

Этого гэра звали Ло Цинчжу, он был старшим ребёнком Линь Синь-нян, несколько лет назад вышел замуж за парня из деревни Сяхэ. Деревни Шанхэ и Сяхэ стояли рядом, их жители с детства пили воду из одной реки, потому и были ближе друг к другу, чем с другими селениями. К тому же родной дом Линь Синь-нян находился как раз в Сяхэ, и в молодости она часто навещала родителей, беря с собой детей. Тогда-то её сын и подружился с тем самым парнем - их связывала дружба с детства, а после свадьбы отношения оставались такими же тёплыми.

Ло Цинчжу редко возвращался в родной дом один, обычно его сопровождал муж. Поэтому, увидев, что он сидит в одиночестве у ворот, Цуй Ланьфан даже на мгновение растерялась, решив, что, возможно, ошиблась. Но их дома стояли напротив, и она видела, как он рос, ошибиться было невозможно. Тем более что рядом с ним лежали две большие собаки - по одной с каждой стороны. Одна из них, большая жёлтая, уткнулась мордой ему в колени, тихонько поскуливая.

В Шанхэ все знали, какие у Линь Синь-нян собаки свирепые и преданные хозяевам. Никто и не вспомнил бы случая, чтобы они так ласково вели себя с чужим.

Услышав голос Цуй Ланьфан, Ло Цинчжу поднялся, обернулся к ним, бросил короткий взгляд и тут же опустил голову, неловко провёл рукой по волосам и тихо позвал:

— Тётушка Ланьфан...

Он стоял, опустив голову и слегка отвернувшись, словно боялся встретиться с ними взглядом. Но Цуй Ланьфан сразу заметила - на его лице расплывался красный, припухший след от пощёчины.

Она уже собиралась спросить, не ждёт ли он мать с сестрой и почему не зайдёт в дом, но, увидев это, тут же забыла о своём вопросе и поспешила подойти, отведя его руку в сторону. Теперь рана стала видна ещё яснее.

— Небеса... Цинчжу, что у тебя с лицом?! Кто тебя ударил?!

Даже обычно мягкая и терпеливая Цуй Ланьфан не сдержала гнева. Цинь Баньбань тоже подбежала, нахмурилась, глядя на его лицо, и тихо позвала:

— Брат Цинчжу ...

В отличие от своей вспыльчивой матери и бойкой младшей сестры, Ло Цинчжу с детства отличался мягким и добрым нравом - говорил тихо, ласково, никогда ни с кем не ссорился и не повышал голоса.

Ло Цинчжу оправдывал своё имя - стройный, высокий, с чистыми чертами лица, он и вправду напоминал тонкий, изящный бамбук. Когда-то в деревне он считался одним из лучших гэров:

пусть Линь Синь-нян была вдовой и происхождение у неё было не самым почтенным, но благодаря трудолюбию и мягкому характеру Ло Цинчжу, да ещё и его приятной внешности, в него были влюблены многие деревенские парни. Когда же он вышел замуж в соседнюю деревню, немало юношей долго ещё не могли прийти в себя.

Он сдержал слёзы, чуть повернулся в сторону, стараясь скрыть след от удара, и, будто ничего не произошло, ласково потрогал косичку Цинь Баньбань, мягко улыбнувшись:

— Давненько не виделись... Баньбань, ты подросла.

Понимая, что он намеренно переводит разговор, Цуй Ланьфан больше не стала расспрашивать. Она взяла его за руку и сказала:

— Сегодня в городе ярмарка, твоя мать с сестрой вернутся ещё не скоро. Пойдём пока ко мне, посидишь.

Не говоря уже о том, что их семьи были в хороших отношениях, она ведь с детства знала Ло Цинчжу, и просто так оставить его сейчас не могла. Не давая ему возразить, Цуй Ланьфан увела его к себе. Лю Гуюй и Цинь Баньбань тоже вернулись домой, а Цинь Жунши тем временем отвёл быка к старосте, чтобы вернуть взятую на несколько дней повозку.

Когда он вернулся, в доме уже горел огонь. Оказалось, что Лю Гуюй, узнав, что Ло Цинчжу ещё не ел, сразу засучил рукава и принялся варить ему лапшу, заодно сварив яйцо. Теперь это горячее яйцо было в руках Цинь Баньбань - она аккуратно перекатывала его по распухшей щеке Ло Цинчжу, чтобы снять отёк.

Тот смущённо сказал Лю Гуюю:

— Лю-гэр... не стоит так утруждаться... мне неловко...

Лю Гуюй отмахнулся:

— Да что ты! Никакой это не труд! Тётушка Линь нам столько помогала, как говорится, «дальний родственник хуже близкого соседа, раз уж мы соседи, должны друг друга поддерживать!

Пока он говорил, лапша уже была готова. Он сварил простой бульон, добавил пару ярко-зелёных листьев свежей капусты и положил яйцо - для деревни такая чашка считалась вполне щедрым угощением.

Ло Цинчжу постеснялся есть яйцо и попытался отдать его обратно Цинь Баньбань. Но, хоть девочка и говорила медленно, руками она действовала проворно: ловко очистила яйцо от скорлупы, быстро опустила его обратно в чашку и тихо сказала:

— Мы уже поели, брат Цинчжу, ты ешь.

Ло Цинчжу тихо всхлипнул, больше ничего не сказал и, опустив лицо к миске, начал есть, дрожащими руками поднося лапшу ко рту; слёзы одна за другой скатывались по щекам и падали прямо в бульон. Кулинарное мастерство Лю Гуюя было отменным, но Ло Цинчжу почти не чувствовал вкуса, во рту стояла лишь горечь.

Именно в этот момент со двора донёлся голос Линь Синь-нян.

Цуй Ланьфан заранее вышла встречать - она нарочно ждала, пока мать с дочерью вернутся, чтобы сразу позвать их. Увидев след от пощёчины на лице Ло Цинчжу, она хотела было расспросить, но сдержалась: боялась задеть его больное место, да и не знала, уместно ли лезть в чужие семейные дела, поэтому решила дождаться Линь Синь-нян.

Узнав от Цуй Ланьфан, что случилось, Линь Синь-нян с Ло Майэр поспешно вошли во двор. Едва переступив порог, они закричали:

— Цинчжу!

Ло Майэр тут же бросилась к брату, схватила его за руку, подняла лицо и в ту же секунду вспыхнула от ярости:

— Брат! Какой ублюдок тебя ударил?!

Увидев распухший след от пощёчины, глаза Линь Синь-нян мгновенно покраснели - и от боли за сына, и от гнева. Она словно разъярённая львица, вся оцетинилась, готовая броситься в бой.

— Какой проклятый посмел тебя ударить?! Это семья Ци?! Они смеют так с тобой обращаться?!

Эта самая семья Ци и была роднёй мужа Ло Цинчжу. И Линь Синь-нян не без причины сразу подумала на них. Если бы это была ссора с кем-то посторонним, Ло Цинчжу мог бы обратиться к семье мужа, не пришлось бы в одиночку возвращаться в родную деревню издалека. Раз он пришёл один, значит, обиду ему причинили именно там.□

Ло Цинчжу сжал губы и ничего не сказал, лишь смущённо взглянул на Лю Гуюя и остальных, будто ему было трудно открыть рот. Лю Гуюй понял его состояние, осторожно забрал у него пустую чашку и уже собирался увести своих, чтобы оставить им пространство для разговора.

Но стоило ему взять чашку, как Линь Синь-нян сказала:

— Глупый ребёнок, говори... Тётушка Ланьфан ведь не чужая, чего ты боишься?

Услышав слова матери, Ло Цинчжу вдруг закрыл лицо руками и разрыдался. Он плакал долго, прежде чем, вытерев рукавом слёзы, наконец глубоко вздохнул и заговорил:

— В последнее время мне было нехорошо... всё время подташнивало. Свекровь узнала, так обрадовалась, сказала, что я, наверное, ношу ребёнка! В тот же день зарезала курицу, чтобы меня подкормить... и несколько дней подряд давала мясо, яйца... Но... но сегодня я пошёл к лекарю, он прощупал пульс - никакой беременности нет! Свекровь... она рассердилась и ударила меня...

Но дело было не только в этом. Ло Цинчжу прожил в семье Ци уже пять лет, и за все эти годы у него не было детей. Все вокруг смотрели на его живот, ждали днём и ночью, и сам он из-за этого тревожился и мучился. В последние дни свекровь обращалась с ним, как с драгоценностью, но в душе у него было беспокойно, и он тайком сходил к лекарю. Как он и боялся, всё оказалось напрасной радостью.

Надежда свекрови рухнула - долгожданного ребёнка не было. Она вспыхнула и в гневе дала Ло Цинчжу пощёчину, наговорив при этом много жестоких слов: что ради «курицы, которая не несёт яиц», они зарезали «ту, что несёт»; что он бесполезен, и с ним следует развестись, чтобы сын мог взять другую жену.

Этого Ло Цинчжу не осмелился пересказать Линь Синь-нян - боялся ещё больше ранить её сердце. Но даже услышанного оказалось достаточно. Линь Синь-нян уже кипела от гнева, однако она знала, что вопрос детей был самой больной раной для её сына.

Не только Ло Цинчжу - даже сама Линь Синь-нян переживала. В этом мире женщинам и гэрэм и так приходилось нелегко, а если ещё и без ребёнка, то дальнейшая жизнь становилась ещё труднее. Сейчас сердце Ци Шаня всё ещё было на стороне Цинчжу, он его защищал, но если пройдёт время и даже муж начнёт упрекать его за бесплодие, тогда жить станет совсем невыносимо.

Вспомнив о Ци Шане, Линь Синь-нян поспешно спросила:

— А Ци Шань где?! Он ничего не сказал?! Просто смотрел, как его мать тебя бьёт?!

При упоминании мужа взгляд Ло Цинчжу слегка прояснился, но он тут же покачал головой:

— Он ушёл с мастером на работу... его не было дома.

Муж Ло Цинчжу, Ци Шань, учился у мастера по обжигу кирпича и черепицы, поэтому не всегда бывал дома. Цинчжу до сих пор помнил, как тот, услышав от матери, что, возможно, будет ребёнок, так обрадовался, что не находил слов - радость буквально переполняла его. И теперь даже сам Ло Цинчжу не был уверен: если Ци Шань узнает, что всё это оказалось пустой надеждой, не разочаруется ли он так же, как его мать?

Линь Синь-нян, обычно сильная женщина, не выдержала и заплакала, обняв сына:

— Ох, дитя моё... за что тебе такая тяжёлая судьба...

Глядя на это, Лю Гуюй невольно нахмурился. За эти месяцы в этом мире он уже понемногу привык к тому, что гэры могут рожать детей.

Он сдерживался какое-то время, но всё же не выдержал и спросил:

— Эм... если так долго ничего не получается... вы у лекаря проверялись?

Услышав его слова, Линь Синь-нян вытерла слёзы и повернулась к нему:

— Как же не проверялись! Много раз! Все клиники в городе обошли!

Не только семья Ци, сама Линь Синь-нян тоже беспокоилась и тайком водила сына к лекарям не раз. Но за пять лет никаких результатов.

Лю Гуюй замялся, а затем, прикрыв лоб рукой, всё же уточнил:

— Я... имел в виду... проверялись оба?

Линь Синь-нян и Ло Цинчжу одновременно замерли. На лице Цинчжу ещё блестели слёзы, голос звучал глухо, с тяжёлым носовым оттенком.

Он растерянно сказал:

— Оба? Ты про моего мужа? Но ведь детей рожают женщины и гэры... при чём тут мужчина?

Даже Линь Синь-нян поддержала:

— Вот именно! Мужчина же не рождает!

Вот оно. Постояв в стороне и послушав, Лю Гуюй уже начал догадываться, а теперь, услышав эти слова, окончательно убедился в своей мысли. Он бросил взгляд на Цинь Баньбань и Ло Майэр, что были в комнате, и мягко выпроводил их во двор, велел пойти поиграть. Лишь после этого повернулся к остальным и сказал:

— Как это не при чём?! Разве женщина или гэр могут сами по себе ребёнка зачать? Нельзя же только удовольствие получать, а всё остальное сваливать на жен и фуланов! Что, поспал одну

ночь и готов тебе пухлый сын? Не слишком ли это легко!

<http://bllate.org/book/17177/1616667>